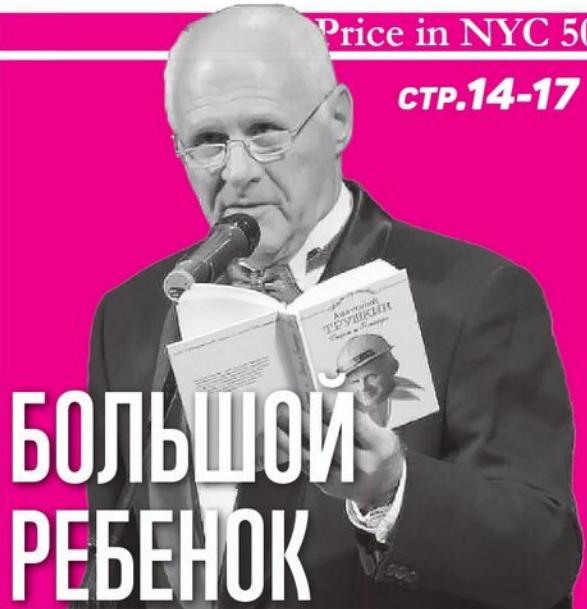

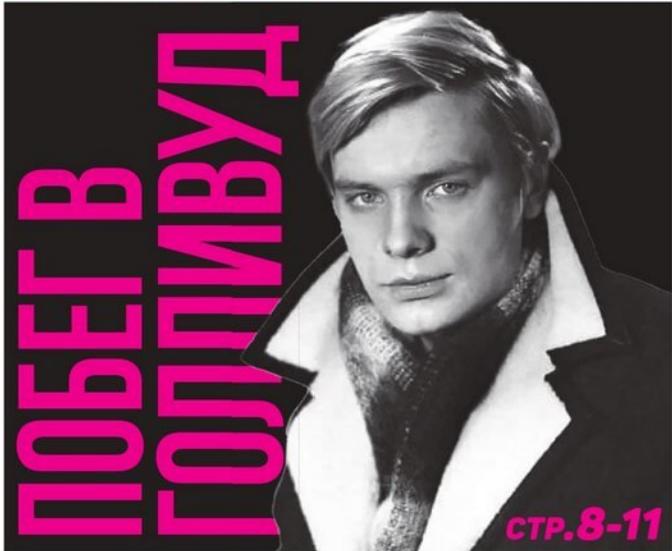
Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.14-17

БОЛЬШОЙ РЕБЕНОК

ПОБЕГ В ГОЛЛИВУД

СТР.8-11

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№22 (155)
ИЮНЬ 2023

Бульварные новости

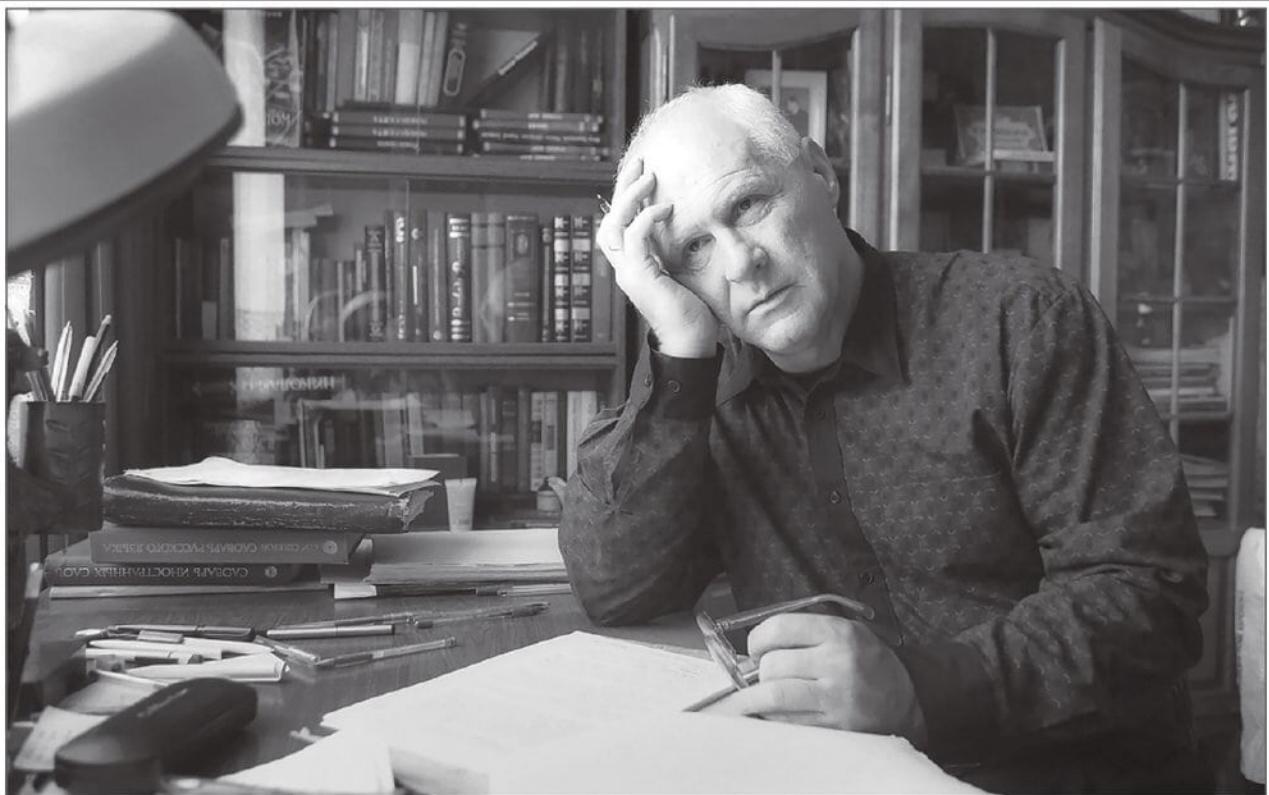
ФЕСТИВАЛЬ ПОЛЬСКОГО КИНО ВОЗВРАЩАЕТСЯ В НЬЮ-ЙОРК

СТР.6

СТР.7

ДВАЖДЫ ЛАУРЕАТЫ

БОЛЬШОЙ РЕБЕНОК

Геннадий Норд

Особые приметы:
Образование - шуточное.

Характер - веселый.

Заработка - смешной.

Отношение к власти - легкомысленное.

Состояние - анекдотическое.

Хобби - юмористика. Основного своего призвания пока не нашел. Считаю, что люди без чувства юмора опасны для общества и должны быть от него изолированы.

головок которой я, честно говоря, спер и частенько использовал на своих афишах: «Анатолий Трушкин о вечном - о пьянстве и воровстве».

Вообще, в каждом герое присутствует автор. Например, Левин в «Анне Карениной» - вылитый Толстой. Если смотреть с этой точки зрения, то всех своих ворюг и пьяниц я списываю с себя. У меня есть монолог о борьбе с пьянством: «У одной женщины муж пил. Не сильно так, но все-таки. До беспамятства». Так вот с этим мужиком у меня нет ничего общего, а женщина списана с моей жены.

- **Пьешь до беспамятства?**

Так на вопросы анкеты отвечал писатель-сатирик, член Союза писателей Северной Америки Анатолий Трушкин. Юмористические монологи Анатолия Трушкина много лет читали, и будут читать со сцены популярные эстрадные звезды Ефим Шифрин, Ян Арлазоров, Клара Никонова, Владимир Бинокур и другие.

Когда-то давно автор и сам вышел на сцену, чтобы сеять разумное, доброе и смешное.

К слову, Трушкин осознал, что должен стать писателем, только после окончания Московского авиационно-технического института. Поняв свою ошибку, он поступил в Литературный институт. А, поработав сотрудником главной редакции литературно-драматических программ Центрального телевидения, выяснил, что и редактор - не его профессия. Логическим завершением эволюции стал переход в начале 80-х годов к чисто писательскому труду.

- **У многих писателей-сатириков есть любимая тема. Вот Михаил Задорнов обожал «тупых американцев». А кого предпочитает Анатолий Трушкин?**

- В одном интервью меня упрекали: что это, мол, вы пишете только о воровстве и пьянстве? «А о чём еще? - спрашивала.

- Постмотрите, что творится вокруг!». Потом прислали журнал со статьей, за-

- Я считаю, что знаю меру. Но жена этому почему-то не верит, и стоит мне в гостях принять граммов 50, как уже в бок толкает: мол, хватит. А еще, бывает, грешу чревоугодием. Я хотела человек и неверующий, понимаю, что это не приближает меня к Богу. Но если хорошо приготовлено, да в хорошей компании, да с бокалом доброго вина... Ну как тут не соглашаться? Впрочем, такое бывает не часто, только по большим праздникам или когда гости приходят. А в остальные дни у нас строгая семейная диета, от которой мы с женой позволяем себе отступить лишь раз в две недели.

Вот уложим всех спать, сядимся и выпиваем бутылочку сухого вина.

Правда, врачи рекомендовали граммов по 30 водки ежедневно - вроде бы для прочистки сосудов. Я подсчитал, что в общей сложности получается 200 граммов в неделю, и решил выпивать всю дозу сразу в выходные. Потому что по чуть-чуть все-таки сложно - попробуй удержаться и не продолжить приятную процедуру. Но с недельной профилактикой тоже ничего хорошего не получилось: я потом дня три работать не могу, организм весь отравлен, мозги напрягаться тяжело.

- **Придется вообще завязать. И с кого тогда своих пьяниц списывать?**

- Ну, это не проблема. Можно, в крайнем случае, за окружающими наблюдать. Нельзя написать о том, чего не знаешь.

- **А какие пороки у тебя?**

- Очень уж доверчивый. Мне скажут, что Трушкин - великий писатель, я и верю.

В любом человеке есть все пороки. Только проявляются они под давлением обстоятельств. Как говорится, с кем поведешься, с тем и наверсишься. Одни условия делают человека аристократом духа, другие - пропойцем. И это бесконечная история - только пиши. Тут я не согласен с Гоголем. Николай Васильевич, когда был романтически настроен, говорил: «Если порок обнажен и смех по его поводу раздается, то считайте, что конец ему пришел». Мне же порой кажется, что от этого наши пороки только крепнут. Вон сколько мы смеемся над взяточничеством.

- **Может, в таком случае перестать высмеивать пороки?**

- Я об этом в последнее время тоже стал задумываться. Но, наверное, все-таки надо высмеивать. К сожалению, в последнее время уходит хороший литературный юмор, который воспитывал человека. На эстраде царят пошлость.

Ведь что происходит? Человек регулярно снимается в «Аншлаге». К нему

С Александром Беляевским

приходит популярность, появляются деньги. Публику уже опустили до уровня плинтуса, вот она и требует шуток ниже пояса, чтобы ни на секунду не задумываться, а только ржать и ржать. Сменить тему - значит оторваться от легкого заработка, а это уже сложно. Тем более в наших условиях, когда чуть-чуть отошел от кормушки - и можно похоронить себя. Тут, конечно, необходимы ответственность и сознание того, что Бог дал тебе дар не только для того, чтобы ты мог кормить свою семью.

- Разве раньше было проще? Сплошная цензура...

- Зато точно знали, что позволено, а чего ни при каких обстоятельствах нельзя.

- Тебя резали в те времена?

- Мы же тогда говорили эзоповым языком. Честно говоря, в Главлите тоже не дураки сидели, а очень умные люди, все прекрасно понимавшие. Ты стараяешься, выкручиваешься, лепишь слова так, чтобы зрителю было все ясно, а цензор ничего не понял, а тебе потом: «Вот эту фразу убери, ту замени слово», - и так полномонолог вырежут. Оставались только какие-то бытовые темы: жена, теща, неверный муж - это никого не занимало никому не портило настроения.

А сейчас каждый сам себе хозяин, следить за репертуаром особо некому, и поэтому окончательная ответственность лежит на самом авторе. Раньше тебе подсказывали товарищи, показывали рукой, хлыстом, прянником, пистолетом - чем угодно, и ты быстро сообщал. А сейчас все сам, но человек тоже не хочет рисковать.

- Поэтому остается все те же жена да теща.

- Да, предстать тебе!

Сейчас, слава Богу, что хочешь, то и говори - все равно никто не слушает. Впрочем, было время, когда взметнулась вверх публицистика, и в этих глаза сделались круглыми от удивления: здесь ворье, там черт знает что такое! Но ты же не публицист, а юморист, сатирик, поэтому должен совершенно другими красками пользоваться, а не повторять за газетами. Своим языком говорить, чтобы люди смеялись, себя узнавали.

- Ты на ком-то свои новые произведения проверяешь?

- Дома, конечно, читаю - жене и дочке. Если они смеются, то понимаю, что это люди с тонким литературным вкусом. Если нет, значит, ущербны, и ничего тут уж не сделаешь. А если, чего доброго, еще и ругать начнут - ну, дуры набитые!

До этого, правда, не доходит, но ущербность наблюдается регулярно. Поэтому все равно бежишь за стол и что-то переделываешь.

Знаешь, Давида Самойлова когда-то спросили: «Как вы относитесь к своим стихам?». - «Когда только-только написал, хочется крикнуть: «Ай да Пушкин! Ай да суккин сын!». А потом, месяца через два, перечитываешь и понимаешь: и не Пушкин, а просто суккин сын».

А вообще, я сейчас проверяю все на сольных концертах: вначале прочитаю сильный монолог, потом новый, затем опять что-то из лучшего. Тут существуют свои маленькие хитрости. Например, в программе нельзя подряд ставить три сильных монолога, потому что народ устает смеяться. Есть место на концерте - как бермудский треугольник (примерно пятый-шестой номер). Раньше я не знал этой закономерности: тасовал, ставил самые смешные номера - ничего не получалось. Народ устал! Вот он отдохнул и потом опять начинает смеяться. То есть, должно быть разнообразие.

- А как ты в первый раз вышел на сцену?

- В принципе, у меня было несколько попыток. Когда-то после первого авиационно-технического института, в котором меня, несмотря на все старания преподавателей, так и не сумели

обучить, был зван в Театр миниатюр актером. Но моих математических знаний хватило на то, чтобы быстро сообразить: 90 рублей, которые мне там предлагали, - это меньше зарплаты инженера в 110. Тем не менее, чем-то таким я все же занимался. Помнится, даже какой-то из «Голубых огоньков» вел выступал с интермедиумами. Однако то была, скончее, самодеятельность, и я забросил это дело. Вернулся через лет 15-16. Думал: «Ну, я-то уж герты-перетрытый калац, меня ничем не испугаешь!». Нет. Все равно, когда вышел на сцену, холодный пот побежал по спине.

- Остроумные записки от зрителей получаешь?

- Честно говоря, такие редко попадаются. В основном все очень банально. Самое остроумное, что у меня спрашивали на концерте: «Вы обычно пишете утром, днем или трезвой?»

- А действительно?

- Я по природе жаворонок. Лучшее время для меня - утро, когда город не шумит, за окном тихо, сам еще толком не проснулся, а хорошие мысли ведь обычно в дреме приходят.

- Ты дисциплинированный человек? Встаешь утром рано - и сразу за компьютер?

- Предпочитаю свои караулы. Все-таки напечатанный текст - другой. Когда своими караулями пишешь - оно как-

то лучше. А так как не всегда еще сразу разберешь свой почерк, то и так повернешь, и этак, подумаешь над строчкой.

Вообще, я давно понял, что в писательском труде нужен тренаж, режим. Как балетные танцовцы - если день не поработали, уже движения не столь отточены. Причем лучше садиться за стол в одно и то же время. Вот что такое профессионализм? Допустим, меня ночью разбудят и скажут: «Старик, мы тебе прилично заплатим, только ты нам на завтра напиши смешной монолог». И что ты думаешь? И за стол утром сяду, и вдохновение поспеет к восьми. За такие-то деньги!

- Когда ты понял свое истинное предназначение?

- В принципе, довольно рано. Началось все с того, что в полтора года опрокинул на себя горячее молоко. Кожа сплюзла, а деревенские врачи почему-то помазали меня йодом. Мать переживала, а бабка сказала: «Верка, не пальчики, гроб я уже заказала». Правда, он не понадобился - я выкарабкался. В четыре года мне подарили санки, и я сломал ногу. Я это к чему рассказываю? К тому, что настоящий писатель-сатирик должен с малолетства понять, что жизнь - сложная штука.

- Вот так с детства ты и юморишь?

- Где-то в пятом-шестом классе у меня произошла встреча с книгой Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Может быть, не все еще тогда понял, но что-то внутри дрогнуло, всколыхнулось. В компаниях же я всегда слышал веселым и остроумным человеком, но даже не предполагал, что это будет моим хобби, а тем более профессией.

- И никто со стороны не мог подсказать?

- Когда много лет спустя я встретился с сыном директора нашей школы, он сказал, что учительница литературы всегда говорила: «Трушкин будет писателем». Вот только я этого никогда не слышал.

Я бы даже сказал, наоборот, во мне души прекрасные порывы всячески пытались придушить. Помню, как только научился писать, вырезал перочинным ножиком на парте свое имя. «Так ты нас писатель?» - ревниво сказала учительница и вызвала отца. Он же прибег к воспитательному средству в виде ремня. Но отцовские усилия не увенчались успехом: очевидно, писательство таилось совсем не в том месте, откуда его пытались вышибить.

Окончание. Начало на с. 15

- Интересная закономерность прослеживается: многие писатели оканчивали либо технический вуз, либо медицинский.

- Ну, со мной просто: в нашем доме книг толком не было. Мать так и говорила: «Какой из тебя писатель? Ты же в детстве и читать-то не любил!». Ко мне все это пришло позже - в институте. В МАТИ, как и во многих вузах Москвы в те времена, был студенческий Театр эстрадных миниатюр. Как и многие студенты, я бросился писать для него тексты. Это ж такая зараза - тщеславие: ты выходишь, тебе все хлопают, люди смеются. И по-нечтению, успех у девчонок.

- По специальности инженера удалось поработать?

- Помнится, года два я все-таки отсидел после института в каком-то закрытом помещении в качестве инженера. Там все довольно ясно понимали, что это не мое, так что на секретном заводе я писал какие-то юмористические рассказы. Именно в это время главному редактору журнала «Студенческий меридиан» Валерию Петровичу Евсееву срочно понадобился человек, который бы вел страницу юмора, и на какой-то свадьбе один из друзей порекомендовал ему меня: мол, есть у нас такой парень. Ему поверили на слово.

Будучи человеком ленивым, я не бегал за авторами в поисках материалов, а писал всё сам. После трех месяцев работы в редакции с инженерней было покончено навсегда. Так что большого вреда авиационной промышленности мне не удалось принести. Потом получилось так, что наш главный редактор уволился. Поскольку все остальные в нашей редакции были евреями, меня назначили на руководящую должность. В общем, я вышел на литературную стезю, став человеком пишущим. А так как в этом деле мало что понимал, решил поступить в Литературный институт. Логическим завершением моей эволюции стал переход на вольные хлеба в начале 80-х годов.

- И тогда ты стал писать монологи для эстрадных артистов?

- Да, но со временем я понял, что читать свои произведения самому гораздо выгоднее и почетнее. В результате я стал популярным. Меня начали узнавать на улице. Это так приятно! Например, останавливали сотрудники ГАИ и говорят: «Гражданин, с вас штраф - 50 рублей. О-о! Да это же Трушкин! Извините, ошибочка вышла: с вас 100 рублей!»

Вообщество, с актерами у меня было два романа - это «деревенский цикл» для Миши Евдокимова и маска «Слыши, музык!», которую я придумал для Яна Арлазорова.

- Открыт секрет: номера Арлазорова - это сплошная импровизация или все-таки домашние заготовки?

- Все заранее тщательно продумано: и его вопросы, и реплики из зала. Но знаешь, что самое смешное? Как-то Ян попросил посмотреть его концерт. Рядом со мной сидел парень и комментировал всё выступление Арлазорова соседям: «Вот сейчас он скажет: «Свистни!» Тот свистнет, а этот ему скажет: «Ты - чайник!» И при этом парень ржал! Я еще тогда подумал: «Господи, чего ж они так смеются, если все знают заранее?» Но публика любила Арлазорова за то, что он разрушил стену между залом и сценой. Казалось бы, какие замечательные люди выходили на сцену до него - Райкин, Карцев и Ильченко, Ханзанов. Но всегда чувствовалось: вот артист - а вот зал. А во время выступления Арлазорова этого не было. «Слыши, музык, я свой!». Это необыкновенно льстил зрителям, и они прощают, что все знают уже напоказу.

- Почему возникла рифма Трушкин - Коклюшкин?

- Звучит хорошо. О нас даже анекдот есть: что общего между Пушкиным, Трушкиным и Коклюшкиным? Ни один из них не был членом Союза писателей СССР.

- Каждый комик хочет сыграть трагическую роль. А о чем мечтает писатель-юморист?

С женой Натальей

- Каждый пишущий юморист мечтает начать новую вещь словами: «Все смеялись в доме Облонских...»

- Ты любишь розыгрыши? Тебя разыгрывали?

- В целом розыгрыши я приветствую, но только если они направлены не на меня. С одной стороны смех, он, конечно, помогает и лечит, но лечит тех, кто смеется, а не тех, над кем смеются.

- Припомните какакий-нибудь из розыгрышей.

- Получили мы квартиру в новом доме. Еще не успели обжиться, а люди почему-то повалили ко мне со своими проблемами. Однажды утром почтальон принес пакетчики, у другого кран течет. Поскольку накануне мы с друзьями отмечали новоселье, я тут же сообразил, в чем дело. Спустился вниз и точно - висит объявление, типа у кого с сантехникой не лады, обращайтесь к Трушкину в такую-то квартиру. С одной стороны розыгрыш вроде безобидный, но людям трудно отказаться, если они обращаются за помощью. Так что пока не снял объявление, пришлось несколько заказов отработать.

- Есть у тебя ученики?

- Учеников нет. Иногда на выступлениях подходят, говорят, мол, на ваших вебинарах учимся. Но как таковой школы, где подразумевается некое преподавание, этого нет. Юмор, к сожалению, вообще никогда не преподается, ни в литературном институте, ни где бы то ни было. Хотя, как мне кажется, юмор - это забота государственная. Потому что через него легче и быстрее приучать людей к выездному. Вспомни феномен «Литературной газеты», когда все начинали её читать с последней страницы, с рубрики «Рога и копыта», и только потом переходи-

дили к передовице. Не потому что искали подвод для зубоскалства, а потому что именно в юморе того времени был ключ к правильному пониманию более серьезных вещей.

- Ты родился в Челябинске?

- Однажды мне показали роддом, где это случилось. Часа в два ночи к нему подъехали, и я увидел за деревьями силуэт этого здания. Все равно было приятно побывать там, где появился на свет. И четыре месяца я жил в Челябинске. А потом мы вернулись из эвакуации в Подмосковье. Когда мне исполнилось десять лет, семья переехала в Москву, там я пять лет пророчился в школе и переехал в Озерск, так теперь называется этот уральский город. То есть мне уже 15 лет было, и я все прекрасно помню. В Озерске Я учился в восьмом и девятом классах.

- Чем запомнился Озерск?

- Город - тихий, потому что закрытый, и родители за нас не боялись. Они на работе, а ты весь день предоставлен сам себе.

- Ты радовался свободе и самостоятельности?

- Конечно! После шумной Москвы, где сто раз головой покрутишь в разные стороны, переходя улицу, чтобы тебя не задавили. А тут - тишина, благодать. И годы эти были очень насыщенными: друзья, книги, спорт. Я увлеченный гимнастикой. Свободной минуты не было, и время летело незаметно, но тогда мы об этом не думали. Уверен, все это сказалось позднее, в том числе, и на выборе писательского пути. Но в десятом классе меня отправили в Москву. И, когда я возвращалась на каникулы в Озерск, то тишина уже казалась непривычной.

- Почему родители решили отпра- вить тебя в Москву?

- Чтобы я смог подготовиться к поступлению в авиационно-технический институт, где уже учился мой брат. И тогда считалось, что школьное образование в Москве покрепче. Поэтому я был отправлен под опеку старшего брата, который был всего на четыре года старше меня.

- Вероятно, вы с братом были очень благонадежными и самостоятельны- ми парнями?

- А мне некогда было хулиганить, я сильно увлечен был спортом. Правда, в московской школе не было секции гимнастики, но начал заниматься легкой атлетикой. Вскоре времени был включен даже в сборную Москвы. Спорт меня в какой-то степени спас от всех соблазнов, а их было не мало. Мы жили на Кутузовском, но шаги в нашем районе были достаточны. Однако я общался с молодыми людьми, у которых на первом месте были спорт и книги.

- Брат был строгим воспитателем?

- Не без этого. К нам из Подмосковья приезжала бабушка, готовила нам еду. Но она нас опекала только в этом смысле - накормить. Была она очень доброй и в плане воспитания мало что могла дать. А брат следил за мной, хотя сейчас смешино вспомнить - ему же было 20 лет всего. Но человек он был серьезный, учился в МАТИ. Потом стал кандидатом наук, сопроматчиком. И у меня с математикой был полный порядок. Я даже не мечтал стать писателем, хотя потом друзья уверяли, что знали это всегда - стану именно писателем.

- Ты в институте еще и медаль по-лучил?

- Не в институте. В 19 лет поехал со студенческим строительным отрядом на целину и там, будучи чемпионом Москвы по самбо, выполнил триадцать норм. Мне повесили медаль «За освоение целинных и залежных земель». Так вот, в институте с этой медалью меня сразу в комитет комсомола избрали, а член комитета комсомола имел право на свободное посещение лекций, чем я незамедлительно воспользовался и вообще перестал ходить на занятия. С головой ушел в студенческий театр миниатюр и после окончания института меня даже Московский театр миниатюр приглашал в актеры. Но я вовремя сообразил, что это не мое дело.

- И поступил в Литинститут?

- Очень переживал. Единственный в стране литинститут и принимают там всего 100 человек на все отделения. Но вдруг мне приходит сообщение, что творческий конкурс я прошел и могу сдавать экзамены. Я не знал о том, что если ты прошел творческий конкурс, где отбор был суровым, все остальное уже не важно. Пшел сдавать экзамены

с уверенностью, что провалю. Оказывается, Сергей Павлович Залыгин меня уже взял в свою мастерскую и, невзирая на то, что я на истории Ленина путал с Бухариным, а на английском смог сказать только «My name is Tolya», я поступил. И вот тогда, даже с учетом выскакивания Эренбурга, что лингвистический институт готовил грамотных читателей, я почувствовал себя литератором. Потому что надо было не только много читать, думать, но и подрабатывать: у меня к тому времени была уже большая семья - родился ребенок - и я стал зарабатывать литературным трудом.

- Ты сразу определился как сатирик?

- На втором курсе я сообразил, что все-таки не прозаик, хотя Залыгин похваливал. Я ушел в драматургию, к Виктору Сергеевичу Розову, потому что сцена и сценки были мне ближе. Там и защищался. К тому времени я уже что-то писал для ТВ, для «Кабачка "13 стульев"», моя маленькая пьеска была поставлена в театре. Но вдруг с телевидения звонок: освободилось место литературного редактора. Я согласился, потому что кормиться надо было. Это был 1971 год. Меня на ТВ приняли 21 декабря 1971 года, а 21 декабря 1981 года я уволился оттуда. Только к этому времени, пожалуй, я успел из заматереть, и сообразил, наконец, что я не драматург, а писатель-сатирик. В юмор я пришел, конечно же, достаточно поздно.

- Издаваться сатирику в те времена было сложнее?

- Не знаю, я ни одной книжки не пытался издать. Первая моя книжка вышла не по моей инициативе, мне предложили: давайте вашу маленькую книжечку издадим. Издали. Всё остальные 11 толстых книг, в том числе и мой том в Антологии сатирик и юмора, также издавались по приглашению. Ни чего не пропадало.

- Никаких усилий не прилагал?

- Ни одного звонка не сделал. Кормят меня, в основном, концертная деятельность. Книги мало что дает.

- Приходится учитьывать запросы зрителей?

- Конечно. Есть пробные вещи, где юмор обнажен и понятен. А есть вещи, где юмор зарыт, где есть второй пласт. Обично читаешь то и другое и понимаешь, что половина зала смеется над первым, а другая половина открывает то, что есть внутри текста. И всегда есть наготове деревенские рассказы, с которыми выступал в свое время Миша Евдокимов, запускаешь их, когда видишь, что нужно что-то попроще. А когда выступаю в ЦДЛ или Доме кино, то там, конечно, нужны вещи поострее. Там не любят беззубое: теща, очередь...

- Сегодня телевизионный уровень юмора и сатиры тебя расстраивает или устраивает?

- Сатирик там нет никакой, а юмор расстраивает. Я не поклонник «Камеди Клаба» и даже КВН не очень люблю, хотя КВН - это площадка для молодняка, как в зоопарке, они там зубы оттачивают, пусты. Хорошо, что оттуда есть выходцы в актерский мир, в телевизионный, но литературного юмора там нет.

- Тебе никогда не предлагали набрать свою мастерскую в лингвистику?

- Нет, да я и выпадаю из общего русла. Можно было бы это преодолеть, но сейчас мне на это уже и времени жалко. Как-то Яков Костюковский, царство ему небесное, - автор таких сценариев, как «Кавказская пленница» и очень остроумный человек, сказал: «Толь, я вот говорю Арканову: пока есть такая возможность - пиши, пиши, больше ничем не занимайся. Это же такая радость!». Да, это радость. Я сейчас понимаю это. Вчера говорили с Мишей Жванецким, и он мне сказал: «Уже не могу писать юмор, все исчерпано и не пишется, да и неинтересно». Значит, надо прислушаться к себе. Он сейчас пишет какие-то философские заметки - такие «оплавившие листья», отдельные фразы. А меня потянуло в драматургию. Надо делать то, что идет и что хочется писать. Старое можно почистить для избранного, а если природа позвала тебя заниматься пьесами - делай это. Вот я и решил себя побаловать немножко.

- Тебя трудно рассмешишь?

- Да нет, но это должно быть что-то тонкое и умное. Что касается анекдотов, то все предугадываешь заранее. Так или иначе, они строятся по каким-то схемам, если ты их анализировал, то сразу все ясно. А если есть какой-то неожиданный поворот, то смешаешься.

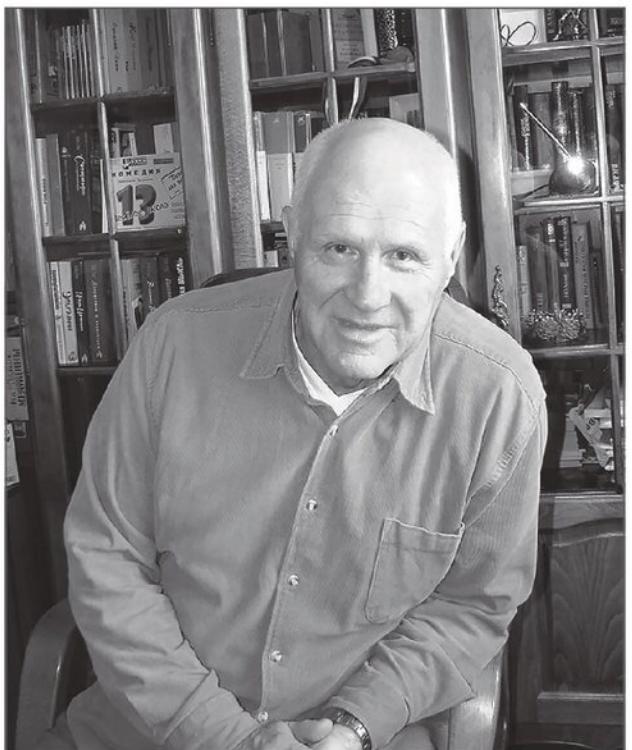
- Кого из коллег любишь слушать или читать?

- Коллег я делаю на эстраду и на литературу. К литературе отношу Михаила Михальчука Жванецкого, Григория Горина, который рано ушел от нас в драматургию, и, слава Богу, успел хорошо там наследить. У Аркадия Арканова литература. Немножко я встречаю литературу у Альтова - он пишет смешно, но есть глубокие вещи и есть неглубокие. У Вити Коклюшкина иногда литературные вещи получаются. У Фимы Смолина. Все остальное - это эстрада. Тоже благо-

дарный жанр, и там есть свои корифеи - Аркадий Хайт, например. А еще обожал, как рассказывает анекдоты Леонид Осипович Утёсов - серьезно, без ульбки, но с огромным юмором. Я стараюсь делать так же на сцене.

- Откуда такая самобытность в твоих деревенских рассказах?

- Это семья. Бабушка моя была безграмотной крестьянкой, но за словом в карман никогда не лезла. Мы как-то говорили об этом с Мишей Евдокимовым. Он сказал, что талант комириста у него от отца. Мишин отец сварщиком был. И вот Миша вспоминает: «Как-то отцу корреспондент районной газеты приехал, а мы под ногами бегаем-бегаем». «Сколько их у вас?» - спросил корреспондент. «Семеро», - говорит отец. - На хрен их восемь-то!» Вроде, незамысловато, но человек без чувства юмора так не скажет.

С Николаем Дроздовым и Никласом Сафоновым

А я, наверное, в бабушку. Дед был у нас суровый, отцу тоже не до юмора, хотя анекдоты он очень любил и рассказывал. Мама все время говорила: «Как тебе не стыдно, что же ты при детях?». Как-то он рассказал такой анекдот: «Екатерина, ты спишь с Григорием? - Нет, конечно, батюшка, разве он даст заснуть?». Помню, мама сильно ругала его. Для нас это было неожиданным, потому что анекдоты не ходили в нашем кругу.

Я вспоминаю себя подростком, юношей: да, какая-то команда вокруг меня была, которая в отцу смотрела, хотя я был младше многих ребят, потому что я неожиданно мог что-то такое сказать, и все смеялись. Я тогда не осознавал, что уже пропустил что-то такое. Ну, весело и весело.

- Вероятно, и слушатель ты тоже хороший?

- Да, многое слышу и запоминаю. Вчера с Михаилом Жванецким вспоминали: пыньял валяется, никто к нему не подходит. Вдруг в памяти всплыл этот эпизод. Лет сорок назад шел по улице, и на землю лежал пыньял, ко всем он обращался так: «Современник! Подай руку!»

Почему «современник»? Конечно, такие вещи запоминаются и вдруг всплывают. Колдится-копится, а потом пишешь что-то и понимаешь - нет, этот герой не мог так сказать, вспоминая бабушку, ее фразы и находишь нужное.

- Михаил Евдокимов вносил свою лепту, когда читал твои деревенские рассказы?

- Да, в отличие от других Миша жил на сцене, купался в этом во всем и наворачивал такие фразы! Он импровизировал. И при издании книг я брал какие-то его поправочки - смешные, точные. У меня есть рассказ о том, как старик старуху в детской коляске везет в больницу. Я его читала восемь минут, а Миша читал 27!

- Можешь объяснить, как рождаются одновременно философские и смешные вещи?

- Это и для писателя тайна за семьи замки. Я когда-то вычитал такой средневековый стишок: «Поззия, что птичка. Птичка, почему ты поешь? Если бы я знала, я бы не пела».

В силу своего образования я когда-то пыталась поверить в алгебраическую гармонию литературы. И подошел, казалось, к открытию, но понял: если пойду до конца, то писать тогда точно не смогу! И тут мне добавилось, что все великие критики подсказывали писателям, что нужны и как надо писать, но сами-то они не были литераторами. Птичка знала, как петь, но при этом сама петь не могла.

Ну, а самое главное, конечно, воспринимать мир, через взгляд ребенка. И тогда многое становится открыто и понятно.